

Т.И. Грекова, К.А. Ланге

ТРАГИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ (20-30-е годы)

Историография отечественной экспериментальной науки достаточно обширна, однако большинство источников относится к жанру юбилейных очерков, составленных по традиционной схеме: немного о бедственном положении науки и ученых в годы проклятого царизма и значительно подробнее об успехах советского периода, обеспеченных неустанной заботой партии и правительства.

В статьях и монографиях, посвященных творчеству отдельных ученых, перечислялись, как правило, основные вехи их биографий и основные достижения, вскользь упоминалось о проблемах, которые они недооценили. Но почти никогда не делалось даже попыток понять, как общественная атмосфера в стране, общая ситуация в науке влияли на выбор предмета исследования и, в свою очередь, как личностные особенности ученого отражались на стратегии и тактике научного поиска, способах самовыражения и методах борьбы за свои взгляды.

Столетний юбилей Института экспериментальной медицины (ИЭМ), который отмечался в декабре 1990 г., совпал с разгаром "перестройки", что обусловило попытку воссоздать возможно более полную и правдивую картину жизни коллектива института, в которой было немало трагических страниц.¹ И хотя это исследование еще далеко от завершения, нам представляется важным поделиться результатами своих поисков, тем более что ИЭМ Российской Академии медицинских наук по сей день сохраняет уникальность своей структуры — научно-исследовательского учреждения университетского типа.

За вековой период институтом пройден большой и славный путь. Труды многих ученых, работавших в его стенах, обогатили мировую и отечественную науку, ряд структурных подразделений ИЭМа дал жизнь новым научно-исследовательским институтам. Так, на базе Биологической станции в с. Колтуши был организован Институт эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности, переросли в самостоятельные институты отделы вакцин и сывороток, экспериментальной биологии, вирусологии.

Первоначально в составе ИЭМа было шесть отделов: физиологический, химический, патологической анатомии, общей бактериологии, эпизоотологии и сифилидологии (вскоре преобразованный в отдел общей патологии), — а также практическое прививочное отделение. К началу первой мировой войны их число увеличилось за счет гигиенического отдела, специальной "чумной" лаборатории и клиники кожных болезней. В 1917 г. Советом института был разработан план его значительного расширения, одобренный Временным правительством. Предполагалось открыть отдел экспериментальной хирургии и хирургическую клинику, отдел тропических болезней, отдел медико-санитарных исследований, организовать органотерапевтическое отделение, клинику внутренних болезней и физиотерапевтическое отделение.

План этот не был реализован, и дальнейшее развитие института пошло иным путем. Особенно бурно менялась его структура в 30-е гг.: возникали новые отделы и лаборатории, которые нередко прекращали свое существование уже через 2-3 года после организации. Невольно возникает вопрос: почему вдруг создавались особые условия для исследований, ценность которых была весьма сомнительной, и в то же время иногда вопреки здравому смыслу сворачивались перспективные направления? Попытаемся хотя бы частично ответить на него.

В Положении о Государственном институте экспериментальной медицины, утвержденном в 1931 г., наряду с традиционными направлениями исследований нашли отражение новые задачи, поставленные перед коллективом. В их числе мы видим научно-практическое руководство социалистической реконструкцией здравоохранения, разработку вопросов охраны здоровья тружеников промышленности и социалистического сектора сельского хозяйства, оздоровление отдельных национальных областей и национальных меньшинств, оборонную тематику.

Новые задачи предполагалось по возможности решать новыми силами. Демократическое начало управления институтом в соответствии с общей тенденцией централизации власти в стране постепенно, но заметно сужалось. Выборность директора и его заместителей с последующим утверждением на коллегии Наркомздрава была заменена назначением руководства института сверху. Право директора увольнять сотрудников не распространялось на лиц, назначаемых Наркомздравом, что специально было оговорено в Положении. Постановление СНК РСФСР № 225, принятое в 1931 г., предписывало "более решительно выдвигать на руководящую работу в научно-исследовательские учреждения молодые кадры научных работников, поставив задачей орабочивание состава научно-исследовательских учреждений и борьбу с классово чуждыми элементами среди сотрудников учреждений".²

"Чуждые элементы", разумеется, нашлись и в бывшем Императорском институте экспериментальной медицины, и к ним была применена самая "эффективная" мера — арест. Кто же были эти "враги" социализма?

Проф. Александр Александрович Владимиров, принявший на себя руководство институтом в самое тревожное время — в ноябре 1917 г., сразу же предложил советской власти свой опыт и знания. Он активно участвовал в противозидемической работе в Петрограде, с конца 1918 г. выполнял специальное правительственное задание по организации санитарного дела на железнодорожном транспорте. Его фамилия была названа в "Известиях ВЦИК" в числе особо отличившихся ученых-медиков. В 1922-1927 гг. он вновь исполнял обязанности директора института, а в 1930 г. его неожиданно арестовали.

Акад. И.П. Павлов направил председателю Совнаркома В.М. Молотову письмо, в котором ручался за А.А. Владимирову, доказывая, что последний "совершенно не способен к какому-нибудь противодействию настоящему режиму не только делом, но и сколько-нибудь свободной критикой в интимном разговоре"³. Надо сказать, что эта характеристика полностью соответствовала действительности и подтвердилась в дальнейшем. Освобожденный по ходатайству Павлова ученый вновь приступил к научной работе и не только не высказывался против советской власти, но, напротив, возвратившись в 1935 г. из поездки по Беломорканалу, которой была премирована группа сотрудников института, с восторгом отзывался об организации труда и быта строителей, отмечая большие заслуги в этом деле чекистов.

"Врагом" посчитали и микробиолога проф. О.О. Гартоха, работавшего в ИЭМе с 1907 г. Немец по национальности, сын американского подданного, окончивший Боннский и Дерптский университеты, принял русское подданство в 1905 г. Он часто ездил в длительные заграничные командировки, был женат на англичанке, а обе его сестры жили за границей: одна — в Женеве, другая — в Цюрихе. Очевидно, что человек с такими анкетными данными просто не мог не привлечь к себе внимание ГПУ.

В марте — августе 1930 г. в Харьковском суде слушалось дело "антисоветской организации буржуазных националистов на Украине". "Правда" подробно освещала

шала ход процесса, причем публиковались и материалы допросов обвиняемых. На этом процессе и прозвучала впервые мысль о врачах, убивающих своих пациентов. А.М. Горький писал из Сорренто в Москву А.Б. Халатову: "В корреспонденции допроса обвиняемого Павлушкова сообщалось, что Павлушков и его сообщники... считали, что советские врачи должны использовать свое положение при лечении членов компартии так, чтобы те не могли выздороветь. "Мы, — сказал Павлушков, — высказывали пожелания, чтобы медики помогли умирать выдающимся пациентам-коммунистам, пользуясь своим положением, либо ядом, либо прививкой им бактериальных культур"⁴.

Мысль о вредительстве с помощью невидимых глазом микробов показалась, вероятно, сотрудникам ОГПУ-НКВД особенно удачной, ибо именно в среде микробиологов проводились наиболее массовые репрессии в 1930-1939 гг. Первая волна арестов прошла в 1930 г. Тогда были арестованы многие сотрудники Института микробиологии им. И.И. Мечникова во главе с его директором С.В. Коршуном. Эта-то волна и захлестнула А.А. Владимирова и О.О. Гартоха, научные интересы которых были сосредоточены на весьма опасных с точки зрения соответствующих органов вопросах. А.А. Владимирова сыграл исключительно большую роль в развитии отечественной эпизоотологии и весьма плодотворно занимался проблемой сапа. В 1928 г. он выезжал по заданию Академии наук СССР в Якутию для изучения на месте распространения проказы и организации борьбы с ней, был связан и с лепрозорием "Крутые ручьи", находившимся недалеко от Ленинграда. О.О. Гартох был известен как крупнейший авторитет в области скрытой инфекции и механизмов инфекционного иммунитета. Его приглашали с программными докладами не только на всесоюзные съезды микробиологов, но и на Всесоюзные съезды терапевтов и хирургов.

Не случайно оказался в поле зрения ГПУ и заведующий химической лабораторией отдела патофизиологии проф. И.А. Обергард⁵. Бывший австрийский подданный (он родился во Львове), в прошлом член польской демократической партии, а затем спартаковец, Обергард поддерживал тесные связи с зарубежными учеными, печатался за границей и как член германской секции Общества историков фармации выезжал в Германию. 30 января 1931 г. он был арестован ПП ОГПУ в ЛВО по подозрению в "укрывательстве контрреволюционных элементов, нелегально проживающих в СССР"⁶. Возможно, что его пытались обвинить и в шпионаже. Во всяком случае, по поводу пришедшей на имя Гартоха бандероли из Гамбурга руководству ИЭМа пришлось давать письменные объяснения, удостоверяя, что ее содержимое предназначено для научных надобностей института.

Хлопоты руководства ИЭМа за своих сотрудников увенчались успехом. Все три профессора были освобождены. Но двое из них — И.А. Обергард и О.О. Гартох — позднее погибли в застенках НКВД.

Наряду с "чисткой" профессуры шел процесс выдвижения новых кадров, основной кузницей которых являлись Институт естествознания при Комакадемии, где был создан специальный "штаб по вербовке слушателей", и аспирантура при Академии наук. Вопрос о зачислении кандидатов решала мандатная комиссия. Соответственно и в ИЭМе стали появляться новые специалисты.

Директор ИЭМа проф. С.С. Салазкин, занимавший этот пост с 1927 г., тяжело переживал курс на политизацию науки. В 1931 г. он подал просьбу об освобождении от должности, мотивируя ее тем, что возраст делает для него совмещение административной работы с научной весьма затруднительным. Просьбу удовлетворили, и во главе института стал Л.Н. Федоров.

В отличие от своих предшественников на этом посту Л.Н. Федоров не являлся крупным ученым, но к этому времени уже обладал опытом организаторской работы: был заведующим Иркутским губздравом, заместителем заведующего Ленинградским губздравом, ректором Института физической культуры им. П.Ф. Лесгафта. С 1923 г. он числился в лаборатории И.П. Павлова, совмещая научную деятельность с административной. С 1927 по 1929 г. Л.Н. Федоров был замести-

телем директора ИЭМа, так что структуру института и кадры знал достаточно хорошо. В официальных характеристиках, да и в мемуарной литературе его называли "старейшим и любимым учеником Павлова", однако вряд ли эта аттестация отвечает действительности. Организаторские же способности Федорова не вызывают сомнений. Кратковременное пребывание в армии Колчака, куда он был мобилизован в качестве ординатора госпиталя, не осложнило его служебной карьеры, хотя он и не скрывал в анкетах этого эпизода своей биографии. Вступив в ряды ВКП (б) в 1920 г., Федоров последовательно проводил партийную линию в науке.

Когда осенью 1932 г. ИЭМ был преобразован во Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ), подчиненный непосредственно Совнаркому СССР, Федоров остался его директором. Кстати, именно ему нередко приписывается инициатива этой реорганизации ИЭМа. В действительности же подлинным инициатором создания ВИЭМа был А.М. Горький, давно вынашивавший мечту о создании ассоциации биологических и медицинских наук для всестороннего изучения человека. Ознакомившись с книгой Б. Рассела "Научное предвидение", писатель обратил внимание на мысль Рассела о том, что изучение здорового человека может быть лучше всего поставлено в Советском Союзе, и отправил книгу наркому здравоохранения М.Ф. Владимирскому с предложением создать в Ленинграде Всесоюзный институт для всестороннего изучения человека⁸.

Еще в 1928 г. Центральный комитет партии по указанию Сталина начал активную кампанию за возвращение Горького в СССР, поэтому его предложение было встречено одобрительно. Зная увлеченность А.М. Горького наукой, можно было предположить, что эта идея захватит его достаточно сильно и явится одним из стимулов возвращения на родину.

Так и случилось. Вернувшись в Россию, Горький начал энергичные переговоры о создании нового научного центра с видными учеными, с одной стороны, и с членами правительства — с другой. Идея встретила поддержку. В мае 1931 г. он писал директору Обуховской больницы в Ленинграде, известному терапевту М.А. Горшкову: "Идея института встретила... определенно положительное отношение, реализации этой идеи будет оказана широкая помощь. Надобно ковать железо, пока оно горячо. Поэтому очень прошу Вас переговорить с И.И. Грековым, А.Д. Сперанским и — если нужно — с И.П. Павловым по вопросам организации института, а затем приступить к разработке плана его. Есть мнение, что институт должен существовать в Ленинграде, но не хотелось бы, чтобы вопрос этот решался под влиянием только одних субъективных удобств ленинградских медиков... Было бы отлично, если бы Вы привезли с собой небольшую, хотя бы в форме тезисов, записку, которая нужна как основа для статьи"⁹.

Давнее общение с И.П. Павловым привело Горького к мысли, что в новом научном центре должно получить дальнейшее развитие павловское физиологическое учение. В связи с этим к организационной работе были привлечены физиологи А.Д. Сперанский, Л.Н. Федоров, К.М. Быков. А.М. Горький неоднократно встречался с учеными, подробно обсуждал облик будущего института. Наконец, 7 октября 1932 г. у него на квартире по инициативе И.В. Сталина было созвано совещание, в котором приняли участие сам "вождь народов", его ближайшие помощники В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов и видные ученые страны. Доклад об организации ВИЭМа сделал Л.Н. Федоров. В постановлении Совнаркома "О Всесоюзном институте экспериментальной медицины" указывалось, что он создается в целях "всестороннего изучения организма человека на основе современной теории и практики медицинских наук и для изучения новых методов исследования, лечения и профилактики на основе новейших достижений в области биологии, химии, физики и технической реконструкции специального оборудования лабораторий и клиник"¹⁰.

О том, что организации нового научного центра придавалось большое значение, свидетельствуют и составы Комитета содействия и Рабочего бюро — органов, созданных для реализации идеи. В Комитет содействия вошли А.М. Горький, член

Политбюро и руководитель ленинградской партийной организации С.М. Киров, председатель Госплана, заместитель председателя Совнаркома и Совета Труда и Оборона В.В. Куйбышев, председатель Ленсовета И.Ф. Кодацкий, секретарь президиума ЦИК и член ЦКК партии А.С. Енукидзе, нарком здравоохранения М.Ф. Владимирский, нарком внутренних дел Г.Г. Ягода, ведомство которого тщательно регламентировало практически все стороны жизни Горького, и, разумеется, доверенное лицо писателя, его секретарь П.П. Крючков, приставленный к нему, как считают многие, именно ОГПУ-НКВД. Из представителей медицины в Комитет содействия были включены директор ИЭМа Л.Н. Федоров, профессора ИЭМа А.Д. Сперанский, Н.Д. Бушмакин и Л.А. Орбели, известный ленинградский хирург проф. И.И. Греков, терапевт проф. М.А. Горшков, московские профессора Д.Д. Плетнев и В.П. Воробьев, популярный в среде творческой интеллигенции врач Л.Г. Левин, доктор Розанов и главный врач Кремлевской больницы А.Ю. Канель. В Рабочее бюро вошли Л.Н. Федоров, Н.Д. Бушмакин, А.Д. Сперанский, И.Ф. Кодацкий, П.П. Крючков, архитектор В.А. Шуко и представители ленинградских органов управления.

Реконструкция института предполагалась на основе следующих положений: "1) Широкая всесторонняя постановка проблемы изучения человека, точнее человеческого организма, возможна только при исследованиях биологических явлений во всех своих связях, в условиях конкретной социальной среды. Для обеспечения такого рода изучения необходимо, чтобы в составе института были представлены все теоретические медицинские дисциплины... 2) Расширение базы медицинского исследования путем внедрения в медицинские дисциплины современных достижений химии, физики, а также и технической реконструкции методов и специального оборудования, применяемого в лаборатории и клинике... 3) Тесная связь теоретических лабораторий с клиническими".¹¹

Основными организационными принципами работы ВИЭМа были признаны плановость и комплексность работы, практика социалистических методов труда — социалистического соревнования и ударничества, также массовость научных исследований, охватывающих большое число объектов, связанных с производством (исследования предполагалось проводить на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах). Особо подчеркивалось, что вся научно-исследовательская работа должна базироваться на марксистско-ленинской теории, методологии диалектического материализма.

Принудительное внедрение в науку вульгаризованного марксизма вызвало резкий протест И.П. Павлова, который один из немногих сразу понял всю опасность "величайшего насилия над научной мыслью"; Павлов считал, что "диалектический материализм при его теперешней постановке ни на волос не отличается от теологии и космогонии инквизиции".¹² Однако идеология "социалистического строительства", "переделки общества, человека и природы" импонировала определенной категории ученых, особенно выпускникам Института естествознания при Комакадемии. В литературе уже имеются достаточно удачные попытки проанализировать общие механизмы идеологизации советской науки.¹³

Основное ядро ВИЭМа вначале было сосредоточено в Ленинграде. Здесь в течение 1933 и 1934 гг. удалось организовать секторы физиологии и патофизиологии (зав. А.А. Заварзин), биохимии (зав. В.С. Гулевич), гигиены (зав. З.Г. Френкель) и эпидемиологии (зав. П.Ф. Здродовский). Санитарно-клинический сектор создать не удалось, по-видимому из-за слабости клинической базы ВИЭМа, хотя в распоряжение института был передан ряд ленинградских клиник, развернутых на базе крупных городских больниц: клиника инфекционных болезней при городской инфекционной больнице им. С.П. Боткина, психиатрическая клиника при Василеостровской психиатрической, больнице, клиника заболеваний пищеварительного тракта в Обуховской больнице.

В Москве, в филиале ВИЭМа, в 1934 г. были созданы функциональные ячейки, специально предназначенные для изучения организма здорового человека: отделение "человек и труд" с лабораториями физиологии труда, отделение "человек

и климат", преобразованное в дальнейшем в сектор медицинской климатологии, и лаборатория возрастной физиологии с клиникой. Была начата организация гигиенического отдела, который должен был возглавить А.Н. Сьсин, но создать его не удалось.

При Московском филиале были также созданы морфологический сектор, отдел физиологии и патологии органов чувств, развернута лаборатория биофизики органов чувств животных и человека во главе с акад. П.П. Лазаревым, а также группа по электрофизиологии.

В первые годы после организации ВИЭМа в центре внимания находилась проблема изучения человека в его социальной среде. В отделе социальной гигиены в Ленинграде под руководством З.Г. Френкеля началось изучение вопросов старения человека и санитарно-демографических проблем Ленинграда и области. Отдел жилищно-коммунальной гигиены консультировал промышленное и жилищное строительство на Кольском полуострове и изучал специфику Севера применительно к задачам жилищно-коммунальной гигиены. Однако после переезда ВИЭМа в Москву гигиенический отдел в Ленинграде был свернут, а московское отделение "Человек и труд" и "Человек и климат" прекратили свою деятельность. Директор ВИЭМа Л.Н. Федоров, вначале проявлявший большой интерес к вопросам социальной гигиены, не случайно так резко утратил его. Как раз в 1934 г. было принято Постановление СНК СССР "О реорганизации работы научно-исследовательских учреждений в области охраны и гигиены труда", после чего Государственный институт социальной гигиены и 38 научно-исследовательских институтов социально-гигиенического профиля закрыли.¹⁴ С этого времени изучение патологии проводилось вне учета роли социальной среды в развитии заболеваний.

Следует сказать, что правительственное распоряжение о переводе ВИЭМа в Москву, последовавшее в апреле 1934 г., менее чем через 2 года после постановления о его создании, объясняется общей политикой Сталина по отношению к Ленинграду. По официальной же версии оно диктовалось стремлением теснее связать работу этого научного центра с наркомздравом. Реализацией этого решения занималась правительственная комиссия во главе с членом ВЦИКа Г.Я. Беленьким. Непосредственное участие в организационных мероприятиях принимали заместитель председателя СНК СССР В.В. Куйбышев и нарком здравоохранения РСФСР Г.Н. Каминский.

Перевод дирекции ВИЭМа в Москву и превращение старейшего медико-биологического института, каким являлся ИЭМ, в ленинградский филиал, неблагоприятно отразились на его деятельности. Уже в июле 1934 г. были расформированы отделы социальной и жилищно-коммунальной гигиены, отдел технической реконструкции исследовательских работ, находящийся в стадии организации музей эмбриологии человека, лаборатория антропологии и клиники, а в октябре закрылись отделы токсикологии и возрастной анатомии. Ряд крупных ученых были вынуждены покинуть институт. В их числе гигиенисты З.Г. Френкель и А.И. Штрейс, хирург С.П. Федоров, нейрохирург В.Г. Молотков, акушеры-гинекологи Г.В. Кипарский и К.П. Улезко-Строганова, онколог Н.Н. Петров, фармакологи А.А. Лихачев и В.М. Карасик и др. Многие ведущие специалисты (П.Ф. Здродовский, А.А. Голиневич, Н.В. Красовская, Б. И. Лаврентьев, И.А. Обергард, А.Д. Сперанский) были переведены в Москву.

В течение 1935-1940 гг. в структуре Ленинградского филиала произошел ряд изменений, обусловленных различными причинами. После смерти в 1936 г. В.В. Савича был ликвидирован отдел фармакологии. Небольшую лабораторию, оставшуюся после его закрытия в 1937 г., передали Биостанции в Колтушах. В том же 1936 г. после смерти Н.Д. Бушмакина, занимавшего с 1932 г. пост заместителя директора по научной работе, был закрыт созданный им отдел морфологии человека.

Были и более трагические причины прекращения ряда исследований. Общая обстановка в стране ухудшалась, ужесточилось законодательство. После убийства

С.М. Кирова в Ленинграде начались массовые репрессии. Из города было выслано несколько десятков тысяч человек: они считались "социально опасными" вследствие своего происхождения.

"Профилактика" вредительства проводилась и среди сотрудников ВИЭМа. Одним из первых (4 февраля 1935 г.) был арестован заведующий отделом вакцин и сывороток Архип Игнатьевич Кузнецов и осужден "за содействие контрреволюционной зиновьевской группе" к высылке на 4 г. в г. Нарым. Через 2 года Особое совещание при НКВД СССР добавило ему дополнительно еще 5 лет, которые он должен был отбывать в Севвостлаге. А 1 декабря 1937 г. Тройка УНКВД по Дальневосточному краю приговорила А.И. Кузнецова к расстрелу "за проведение среди заключенных контрреволюционной агитации, отказ от работы и организации контрреволюционной троцкистской группы".¹⁵

26 марта 1935 г. был арестован проф. И.А. Ремезов, хорошо известный своими трудами за рубежом. В 1931 г. его даже приглашали занять кафедру биофизики в Вашингтонском университете, но Наркомздрав не дал на это разрешения. 28 октября 1932 г. И.А. Ремезов направил письмо директору ИЭМа Л.Н. Федорову, предлагая свои услуги для организации физико-химической лаборатории с биокolloидным отделением. "Я сравнительно мало известен у нас, однако меня очень хорошо знают европейские и американские научные круги... Я мог бы представить Вам рекомендации и отзывы обо мне ряда немецких ученых, у которых я работал (Nernst, Neuberger, Haber, Freundlich, Bickel). Также я полагаю, что отзыв обо мне Вам смог бы дать акад. А.Н. Бах или проф. И.И. Жуков здесь, в Ленинграде", — писал он. "В Вашем институте я хотел бы организовать по европейскому образцу... физико-химическую лабораторию с биокolloидным отделением, применив новейшие методы усиленных катодных трубок, с которыми я работаю в течение ряда лет и которые в биологии еще мало известны... Оборудование моей нынешней лаборатории является образцовым и смогло бы быть получено для Вашего института при организации новой лаборатории".¹⁶

Просьбу И.А. Ремезова поддержал руководитель отдела биохимии акад. В.С. Гулевич, по мнению которого "с приглашением этого крупного специалиста удачно разрешились бы те затруднения, с которыми мы с Вами встретились... по вопросу о кандидате для организации физической химии с тем уклоном, который нужен для института".¹⁷

В анкете Ремезова имелось немало пунктов, дававших возможность НКВД сфабриковать любое обвинение: дворянское происхождение, длительное пребывание за границей, интенсивная переписка с зарубежными учеными, германское подданство жены Е.И. Драудзель. А если к этому добавить, что, вступив в 1917 г. в ВКП(б), он вышел из рядов партии в 1921 г. "вследствие невозможности совмещать с научно-исследовательской работой", то факт его ареста воспринимается как неизбежность. Неудивительно, что по постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 31 марта 1935 г. Ремезов был приговорен к пятилетней ссылке в Саратов как "социально чуждый элемент". После ареста И.А. Ремезова отдел физической химии и электрохимии прекратил свое существование.

Дальнейшая судьба самого Игоря Александровича Ремезова сложилась трагически,¹⁸ хотя уже через полтора месяца его вернули из ссылки. Пребывание на свободе оказалось недолговременным: повторный арест последовал 28 марта 1939 г. На этот раз ученого обвинили в том, что он "по заданию представителей германской промышленности скрывал от советской власти и передавал Германии и другим капиталистическим странам свои научные изобретения и открытия, имеющие народнохозяйственное значение, а также систематически передавал представителям германских промышленных концернов сведения о научных работах, проводимых в СССР". Военная Коллегия Верховного Суда СССР вынесла приговор только 31 мая 1940 г.: 10 лет лишения свободы с последующим поражением в избирательных правах на 5 лет. В июле 1940 г. расследование "дела" Ремезова было возобновлено, и ему предъявили новое обвинение: "шпио-

наж и диверсионная работа, направленная на подрыв здоровья трудящихся Советского Союза и уничтожение скота". В первые же недели Великой Отечественной войны последовала новая волна смертных приговоров лицам, находящимся в заключении. 7 июля 1941 г. Ремезов был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 30 июля 1941 г.

Одним из новых направлений в деятельности ВИЭМа была апробация методов и средств восточной медицины, инициатором которой выступил специалист по тибетской медицине врач Н.Н. Бадмаев. Переписка между Наркомздравом и руководством института о возможности развертывания исследований в этом направлении началась в феврале 1932 г. Л.Н. Федоров отнесся к этому предложению более чем сдержанно. Лишь после неоднократных настойчивых требований наркомздрова серьезно рассмотреть представленный проект он вынес его на обсуждение научной общественности института.

Не все восприняли идею однозначно, но большинство ведущих специалистов одобрили проект, предусматривающий открытие стационара и амбулатории, создание лекарственного фонда за счет экспедиций, проведение лабораторных исследований, организацию музея, осуществление переводов тибетских медицинских трактатов и ряд других начинаний. Особенно горячо поддерживали Н.Н. Бадмаева профессора В.В. Савич и А.Д. Сперанский, к их мнению присоединился Н.И. Бухарин, возглавлявший в то время научно-исследовательский сектор ВСНХ. В архиве сохранилось его письмо Л.Н. Федорову, в котором он горячо приветствовал идею изучения тибетской медицины в стенах ВИЭМа.¹⁹

В 1934 г. при институте начало работу бюро по изучению восточной медицины во главе с фармакологом проф. С.В. Аничковым. В состав бюро вошли фармакологи А.И. Кузнецов, И.А. Обергард, физиолог В.В. Савич и А.Д. Сперанский, терапевты Г.М. Ланг и М.В. Черноуцкий, специалист по фармакогнозии А.Ф. Гаммерман. Предполагалось развернуть исследования достаточно широко и включить в сферу научной проверки средства и методы не только тибетской, но и арабско-персидской медицины. Руководителем клиники, которую планировалось развернуть на базе больницы им. В.И. Ленина, назначили С.П. Заводского. Н.Н. Бадмаеву отвели роль консультанта. Вероятно, Л.Н. Федоров предпочел бы вообще обойтись без его услуг — слишком уж одиозной была эта фамилия. В Большой Советской Энциклопедии Жамсаран Бадмаев, дядя Н.Н. Бадмаева, характеризовался как крупный аферист, друг Распутина и даже... один из инициаторов русско-японской войны, составивший себе состояние знахарской практикой — так именовались применяемые им методы тибетской медицины. Племянник же не только не отрекался от дядюшки, но, напротив, постоянно подчеркивал, что является его учеником и продолжателем. Смущало и то, что Н.Н. Бадмаев тесно сотрудничал с представителями религиозного культа — ламами, о реакционной роли которых неоднократно писали газеты и журналы тех лет. Но других специалистов по тибетской медицине фактически не было, да и высокопоставленные пациенты оказывали Н.Н. Бадмаеву мощную поддержку.

Во всяком случае, Л.Н. Федоров предусмотрительно избегал упоминаний о тибетской медицине, и в названии бюро вскоре появилось новое слово. Теперь оно называлось бюро восточной и народной медицины, а затем превратилось в отдел народной медицины. Возможно, что понятие "народная медицина" можно было в какой-то степени рассматривать как противопоставление медицине академической, а следовательно, и кастровой.

Н.Н. Бадмаев пытался убедить коллег, что подобное переименование является принципиальным отступлением от первоначальной идеи, но поддержки не встретил. Руководитель клиники С.П. Заводской и остальные члены бюро надеялись, что переименование, напротив, позволит расширить сферу исследований. Эти надежды не оправдались. Уже в январе 1935 г. отдел народной медицины закрыли под предлогом реорганизации института. От занимаемых должностей были освобождены заведующий отделом С.П. Заводской, консультанты С.В. Аничков, А.Ф.

Гаммерман, Н.Н. Бадмаев, научные сотрудники В.В. Закусов, М.И. Шупинская, И.А. Бржезицкий, Е.Е. Обермиллер и др. Договор с больницей им. В.И. Ленина, на базе которой буквально 2 месяца просуществовало отделение (предполагаемая клиника восточной медицины так и не была организована), был расторгнут, а больные выписаны или переведены в другие лечебные учреждения.

Позднее Л.Н. Федоров необоснованно обвинил Н.Н. Бадмаева в некомпетентности и расхищении лекарственных средств. Изучение восточной медицины в ВИЭМе было фактически прекращено, хотя при Ученом медицинском совете Наркомздрава и создали для этого специальную комиссию, которой Л.Н. Федоров сообщил о своем согласии продолжить работу по исследованию фармакодинамики средств восточной медицины. В официальном отчете ВИЭМа за 1933-1937 гг., изданном в 1938 г., об исследованиях в области восточной медицины не упоминается вообще: к этому времени Н.Н. Бадмаев и все ламы, знатоки тибетской медицины, были арестованы.²⁰

В сентябре 1936 г. была закрыта лаборатория специальной психофизиологии — ее руководитель Николай Николаевич Никитин покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна. Перед этим он лечился в психиатрической клинике, и вполне возможно, что обострение его заболевания было связано с постоянным нервным напряжением и страхом перед возможным арестом.

Н.Н. Никитин был членом ВКП(б) с 1920 г., окончил Военно-Медицинскую академию и Институт красной профессуры при Комакадемии, работал в отделе агитации и пропаганды Ленинградского обкома партии. В 1929 г. он был зачислен аспирантом в ИЭМ, в том же году утверждён в должности заместителя директора и перешел во "внештатную" аспирантуру. Ученую степень кандидата медицинских наук ему присвоили в марте 1936 г. — в это время он не только занимал пост директора, но и возглавлял лабораторию специальной психофизиологии.

Совсем недавно, в 1932 г., он, вероятно, вполне искренне упрекал И.П. Павлова: "Под свободой, Иван Петрович, как это известно всем, Вы понимаете свободу подчас, скажем откровенно, злостной клеветы на Советскую власть, на нашу партию, на все наше соц. строительство".²¹

И вот он сам, так же, как и многие убежденные и преданные идеалам партии люди, не может понять, что происходит: почему недавние партийные лидеры оказались на скамье подсудимых. Впрочем, не исключен и прямо противоположный вариант: как бывший работник партийного аппарата Никитин мог догадываться о грозящей ему участи и предпочел уйти из жизни сам. Во всяком случае, его самоубийству была придана политическая окраска. Лабораторию расформировали, а через несколько месяцев арестовали почти всех работавших в ней научных сотрудников: В.Л. Меркулова, В. Баюина, К.С. Семенова, С.И. Горшкова. Лишь один Василий Лаврентьевич Меркулов вернулся в институт после реабилитации и работал здесь с 1956 по 1968 г.

21 апреля 1937 г. в многотиражке ВИЭМа появилась статья "О борьбе с вредительством и бдительности". В ней говорилось, что особенно засорены кадры в Ленинградском филиале, поскольку его покойный директор Никитин окружил себя троцкистами. Приводились и фамилии врагов народа: Семенов, Носков, Урановский.

Дату ареста 25-летнего Константина Семеновича Семенова — 16 июля 1937 г. — удалось установить по домовая книга, так как он жил в институтском доме на Кировском проспекте, но она оказалась неточной. На наш запрос о судьбе К.С. Семенова из Управления КГБ по Ленинградской области сообщили, что он был арестован 3 ноября 1936 г. как участник контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации. Его обвиняли в контрреволюционных разговорах, направленных против руководства ВКП(б) и его политики. За эти разговоры Семенов получил 10 лет тюремного заключения и умер 20 января 1946 г. в Норильлаге.

Яков Маркович Урановский был членом редколлегии журнала "Архив биологических наук", издававшегося в ИЭМе с 1892 г., занимался вопросами философии

фии медицины (в Архиве Академии наук мы обнаружили его отзывы на работы слушателей Института естествознания Ленинградского отделения Комакадемии) и, судя по публикациям, был арестован в числе других биологов -дарвинистов, интересовавшихся проблемами генетики.²³ Нам удалось установить точную дату его ареста — 29 апреля 1936 г., формулировку предъявленного ему обвинения — принадлежность к контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации, а также приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 10 октября 1936 г. — к высшей мере наказания, который был приведен в исполнение в тот же день.

Что касается Владимира Николаевича Баюина, исключенного в 1937 г. из рядов ВЛКСМ за потерю классовой бдительности и двурушничество, то его арестовали 3 июля 1937 г. также как участника контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группы ВИЭМа. Особое Совещание при НКВД СССР 21 сентября 1937 г. осудило его на пять лет исправительно-трудовых лагерей, а 18 сентября 1938 г. он умер в Севвостлаге. Где работал Носков и в чем его обвинили, выяснять пока не удалось: в Ленинградском управлении КГБ материалов не оказалось.

Следующим примером нереализованных научных планов является попытка создать при ВИЭМе морскую биологическую станцию. Предпринятая по инициативе Е.М. Крепса в 1936 г. экспедиция, в которую помимо его самого входили архитектор А.Ф. Рюмин и сотрудники Ленинградского университета К.М. Дерюгина и Е.Ф. Гурьянова, выбрала место для биостанции в Дальних Зеленцах, на берегу Баренцева моря. К весне 1937 г. проект здания станции и вспомогательных объектов был готов, началось строительство. Вскоре, однако, биостанция перешла Академии наук СССР. Сам же Евгений Михайлович Крепс в апреле 1937 г. был арестован, осужден на 5 лет постановлением Особого Совещания и отправлен на Колыму. В приказе же по институту указывалось, что сотрудник отдела специальной и эволюционной физиологии Е. М. Крепс и сотрудник лаборатории общей морфологии И.И. Буржуа отчислены по устному распоряжению и.о. директора Ленфилиала ВИЭМа Р.Э. Яксона.

Вскоре (29 ноября 1937 г.) был арестован и сам Рудольф Эннович Яксон, возглавлявший помимо филиала ВИЭМа кафедру диалектического материализма в Институте усовершенствования врачей. Выпускник 2-го Московского медицинского института, он окончил затем факультет философии и естествознания Института красной профессуры и занимался философскими вопросами медицины. Жесткая борьба в философии между "механистами" и "диалектиками" закончилась массовыми арестами ученых. Р.Э. Яксона обвинили в том, что он "являлся активным участником контрреволюционной латвийской националистической организации, вел контрреволюционную националистическую пропаганду, одобрял террористические методы борьбы против руководства ВКП(б) и Советского правительства, занимался шпионской деятельностью", и приговорили к расстрелу.

В октябре 1937 г. приказом по Наркомздраву СССР "в целях улучшения работы Ленинградского филиала ВИЭМа" сокращалось число его работников и изменялась структура. Были ликвидированы отдел общей биологии, лаборатория биофизики, лаборатория патологии роста, лаборатория рентгено-структурного анализа. В действительности это было связано с массовыми арестами сотрудников. Указанному приказу по Наркомздраву предшествовали приказ по Ленинградскому филиалу ВИЭМа от 17 сентября, согласно которому увольнялись заведующий отделом общей биологии Э.С. Бауэр, заведующий отделом общей микробиологии О.О. Гартох, научные сотрудники С.С. Бауэр и А. Гаринг — все как арестованные НКВД.

Есть основание считать, что почти все сотрудники перечисленных выше отделов были арестованы, но установить точно фамилии репрессированных, а тем более их судьбу пока не удалось. Личные дела арестованных, как правило, изымались или фальсифицировались; в приказах же далеко не всегда указывалась истинная причина увольнения.

На результатах исследований Э.С. Бауэра в области теоретической биологии, непонятых современниками и надолго забытых в связи с тем, что имя ученого

после его ареста не упоминалось в печати, остановимся особо. Э.С. Бауэр первым предпринял серьезную попытку определить специфику биологических систем. Он сформулировал принцип устойчивой неравновесности, опираясь на который, вывел закон исторического развития биологических систем. Суть этого закона заключается в том, что развитие биологических систем — результат увеличения эффекта внешней работы системы (воздействия организма на среду) в ответ на полученную из внешней среды единицу энергии. Для этого биологические системы в отличие от неживых должны обладать способностью постоянно поддерживать свою структуру независимо от факторов среды, т.е. самовосстанавливаться. Таким образом, эволюция биологических систем идет от состояния равновесия к устойчивой неравновесности, а эволюция неживых систем идет в сторону от состояния равновесия. Энтропия первых снижается, в то время как энтропия вторых возрастает. Сегодня Э.С. Бауэра по праву считают одним из основателей теоретической биологии.

Изданная в 1935 г. монография Бауэра "Теоретическая биология" давно стала библиографической редкостью. В 1982 г. ее переиздали в Будапеште на русском языке с предисловием советского исследователя С.Э.Шноля, который дает физическую и биохимическую интерпретацию принципа устойчивого равновесия. Этот принцип явился сильнейшим дополнением к эмпирическому обобщению В.И. Вернадского об организованности живого вещества. Энергию, с помощью которой создается неравновесность живой структуры, Бауэр назвал структурной. Недавно выдвинуто положение, что структурная энергия Бауэра соответствует биохимической энергии Вернадского.

В 1938 г. в связи с реорганизацией Санитарно-бактериологического института из состава Ленинградского филиала ВИЭМа по решению Совнаркома СССР был выделен отдел вакцин и сывороток и преобразован в Институт вакцин и сывороток. Фактически отдел уже давно являлся самостоятельным учреждением, существовавшим на хозрасчетной основе со своим расчетным счетом, бухгалтерией и канцелярией. По положению, утвержденному в 1936 г., в его состав входили 12 научных подразделений: экспериментальное, анаэробное, вакцинное, туберкулиновое, дифтерийное, скарлатинозное, бактерицидных сывороток, антирабическое (в 1937 г. оно вошло в состав Ленинградского института эпидемиологии и микробиологии им. Пастера), химическая и контрольная лаборатории, сывороточная конюшня и клиника детских инфекций, — а также технические службы: бактериологическая кухня, фасовка, разливка, экспедиция, животник, хозяйственная часть.

Архивные документы свидетельствуют, что процесс раздела протекал болезненно. Руководство вновь образованного Института вакцин и сывороток неоднократно жаловалось заместителю наркома здравоохранения Н.И. Гращенкову на отсутствие помощи со стороны ленинградского филиала ВИЭМа, на проволочки с выделением территории и имущества. Н.И. Гращенков письменно предупредил Л.Н. Федорова (с копией директору ленинградского филиала С.Х. Мусаэляну), что продолжение конфликта будет рассматриваться как попытка срыва оборонных мероприятий с соответствующими последствиями²⁶ — угроза для того времени довольно серьезная, тем более что предшественник Мусаэляна на посту директора Р.Э. Яксон, как уже отмечалось, в октябре 1937 г. был арестован как враг народа.

С.Х. Мусаэлян в ответном письме возлагал всю ответственность на Институт вакцин и сывороток (ИВС), "дезорганизирующий своими посягательствами работу филиала", и указывал, что жалобы руководства ИВСа носят превентивный характер на случай провала работы. В тот же день Мусаэлян направил заявление секретарю ЦК ВКП(б) и Ленинградского обкома ВКП(б) А.А. Жданову с просьбой вызвать его для беседы. В заявлении говорилось о ненормальной обстановке, сложившейся после приказа о выделении отдела вакцин и сывороток в самостоятельный институт. Пошли слухи о закрытии Ленинградского филиала ВИЭМа. Горздрав не выполняет распоряжений Наркомздрава о создании клинической базы. Переведенные из Москвы лаборатории негде разместить, значительная часть помещений отошла ИВСу. В то же время получено указание организовать

в составе филиала новые лаборатории. Коллектив лихорадит, поскольку бесконечные комиссии замеряют территорию, ставят вопрос о ликвидации животников. Освоению кредитов, отпущенных на строительство ИВСа, препятствовало бывшее руководство институтами бакпрепаратов, ныне арестованное органами НКВД, а страдает ВИЭМ, у которого отбирают часть площади, да еще пытаются на него взвалить ответственность за безобразия в ИВСе.

Можно себе представить, сколь "плодотворной" была в это время работа ученых-микробиологов! Их арестовывали одного за другим.

Особого рассказа заслуживает судьба Оскара Оскаровича Гартоха. Проф. Я.Л. Рапопорт в своих мемуарах пишет, что большая группа микробиологов была уничтожена в 1937-1939 гг. Перечисляя их фамилии, он называет и О.О. Гартоха. Об аресте микробиологов П.Ф. Здродовского, В.А. Барыкина, О.О. Гартоха, И.П. Кричевского, М.И. Шустера, Л.А. Зильбера, А.Д. Шеболаевой, Г.И. Сафоновой упоминает Р.А. Медведев, который считает, что, за исключением Л.А. Зильбера и П.Ф. Здродовского, освобожденных в 1939 г., остальные погибли. Между тем, чудом сохранившееся личное дело О.О. Гартоха содержит точную информацию о превратностях его судьбы.

Первый раз, как уже говорилось выше, Гартоха арестовали 13 августа 1930 г. и держали под следствием 2,5 мес., до 27 октября. Второй раз он был арестован 2 августа 1937 г. и находился под следствием до 20 мая 1938 г., когда заведенное на него дело было прекращено. Так что утверждение Я.Л. Рапопорта о том, что все арестованные микробиологи признались в инкриминируемом им вредительстве, не совсем точны. Впрочем, он не пишет, в чем именно обвиняли Гартоха. Зато сведения об этом приводит в книге "Старший брат" В. Каверин, который указывает, что арестованный 12 февраля 1938 г. сотрудник Мечниковского института А.А. Захаров вскоре подписал признание в своих вымышленных преступлениях. Он сознался, что "вместе с проф. О.О. Гартохом создал контрреволюционную организацию с целью убийства Вождя и Друга человечества И.В. Сталина, шпионажа в пользу фашистской Германии, диверсионной работы в виде заражения в случае войны источников водоснабжения и вредительства на фронте борьбы с эпидемиями". Если бы Гартох признал свою вину, то его, скорее всего, приговорили бы к расстрелу, но об освобождении его хлопотал кто-то из членов французского правительства, и Гартох был оправдан. В романе В. Каверина "Над потаенной строкой" об этом упоминает один из персонажей. Вряд ли это случайность: Каверин, будучи братом известного вирусолога Л.А. Зильбера, хорошо знал мир ученых-медиков. В пользу этой версии свидетельствуют и факты биографии Гартоха. В 1940 г. он был назначен заместителем директора Ленинградского филиала ВИЭМа, а в феврале 1941 г. ему присвоили звание заслуженного деятеля науки РСФСР. Ходатайство руководства и общественных организаций ВИЭМа об этом поддержал председатель Ленгорисполкома Попков.

В первые же дни Великой Отечественной войны О.О. Гартоха вновь арестовали. В его личном деле сохранилась увольнительная записка, в которой указана причина увольнения — арест органами НКВД, и дата — 6 июля 1941 г. Военным трибуналом войск НКВД Саратовской области 28 ноября 1941 г. Гартох был обвинен в шпионаже и приговорен к расстрелу. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 20 декабря 1941 г. приговор оставлен в силе и 30 января 1942 г. приведен в исполнение.²⁷ Ученый погиб в заключении, как и многие ни в чем не повинные советские граждане.

Аресты крупных ученых вызвали необходимость перетасовки кадров. Так, приказом Наркомздрава от 14 ноября 1939 г. из Ленинградского бактериологического института им. Пастера был переведен в ВИЭМ на должность заведующего отделом микробиологии и иммунологии В.И. Иоффе. Вскоре последовал приказ о его переводе в Москву, но переезд ученого не состоялся. Он продолжал работать в Ленинграде, где организовал в составе филиала ВИЭМа отдел микробиологии детских инфекций. Вероятно, перевод В.И. Иоффе в ВИЭМ был связан с арестом руководителя отдела П.Ф. Здродовского. После того, как Здродовского освободи-

ли, необходимость в переезде Иоффе в Москву отпала. Для ленинградского филиала ВИЭМа приход В.И. Иоффе был большой удачей. Здесь под его руководством развернулись исследования по микробиологии и иммунологии каплевых инфекций, а позднее, в конце 50-х — начале 60-х гг., разрабатывались вопросы общей иммунологии, иммунопатологии и клинической иммунологии.

Следует также отметить, что с 1 января 1938 г. в ВИЭМе был закрыт отдел общей микробиологии, а руководитель отдела Б.Л. Исаченко и часть сотрудников перешли в Академию наук.

Атмосферу жизни института достаточно полно отражали протоколы партийных собраний, но, к сожалению, они были уничтожены в числе многих других документов в первые месяцы Великой Отечественной войны. В Ленинградском партархиве сохранились, однако, так называемые информационные сводки, а точнее — доносы, в которых подробно фиксировались все высказывания сотрудников, имевшие хоть малейший политический оттенок.

В сводке об отдельных нездоровых настроениях (1936 г.) мы встречаем фамилии Баюина, Семенова, Голованова, Никитина, Елькиной.²⁸ В другой сводке²⁹ говорится, что проработкой обвинительного заключения (речь идет о троцкистском параллельном центре) охвачено 612 человек, собрание прошло хорошо, но были и отрицательные моменты. Например, научный сотрудник Гессе, дворянка, имеющая двух взрослых детей, работающих в Германии, с зачитки резолюции ушла и сидела одна в своем отделе; Гаршин (бывший белый офицер) заявил, что незачем обсуждать материалы процесса коллективно, это дело советских органов; проф. Гурвич упрекнул членов партии в том, что они не осведомились о том, желают ли сотрудники слушать их разъяснения; ведущие научные сотрудники отдела биохимии Ашмарин, Соколов и Паршин постоянно закрываются на ключ и подолгу о чем-то шепчутся, причем Паршин недавно опубликовал статью в фашистском журнале. Еще в одной сводке фигурирует фамилия сотрудницы института, члена ВКП(б) Школьникова, муж которой был арестован органами НКВД. Последняя заявила члену ВКП(б) Рывлину, что ее муж невиновен, но, видимо, и ее скоро арестуют, так как в НКВД нет объективности — она работала в ЧК и знает, что там расстреливали многих невинных людей...

Очевидно, что в условиях взаимной слежки и доношительства идеалы науки предавались, научные дискуссии нередко являлись откровенным сведением счетов, а идеологизация науки придавала этому политический характер. Например, видных генетиков обвиняли в проповеди фашизма, в результате чего 17 сентября 1937 г. был закрыт руководимый С.Г. Левитом Медико-генетический институт. В приказе Наркомздрава указывалось, что он ликвидируется "в целях организации подлинно научной разработки вопросов медицинской генетики",³⁰ этим же приказом был создан отдел медицинской генетики в ВИЭМе, включающий лабораторию теоретической антропогенетики и кардиологическую лабораторию, а также клиническую и близнецовую группы. Руководство клиническими исследованиями возлагалось на С.Н. Давиденкова. Оборудование, библиотека и архив Медико-генетического института были переданы ВИЭМу, в который перешла и часть сотрудников. Однако уже 11 октября 1937 г. последовал новый приказ Наркомздрава, согласно которому с 1 ноября ликвидировалась руководимая С.Н. Давиденковым нервная клиника.³¹

В приказе Наркомздрава от 14 апреля 1939 г. в числе крупных недостатков в деятельности ВИЭМа отмечалось, что институт "не организовал и не возглавил критики и разоблачения антинаучных фашистских теорий".³² В октябре 1939 г. дирекция ВИЭМа приняла решение о ликвидации лаборатории медицинской генетики "как не имеющей руководителя и достаточной материальной базы". Разумеется, Наркомздрав это решение утвердил. И хотя директору Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности акад. Л.А. Орбели было предложено "предусмотреть в плане на 1940 г. разработку теоретических проблем медицинской и общей генетики, увязав эту экспериментальную работу с ВИЭМ на предмет использования выводов Института эволюционной

физиологии в клинко-экспериментальной работе ВИЭМ",³³ этот параграф приказа был заведомо невыполним. Исследования по антропогенетике и медицинской генетике в нашей стране прекратились на долгие годы.

Не менее острая борьба развернулась в морфологии по вопросам клеточной теории. Руководитель отдела общей морфологии ВИЭМа А.А. Заварзин рассматривал ее как теорию развития, что вызвало резкие нападки оппонентов. Жесточкой критике был подвергнут учебник Заварзина "Курс гистологии и микроскопической анатомии", особенно глава о клеточной теории.

Надо сказать, что сотрудники Ленинградского филиала ВИЭМа А.А. Заварзин, Д.Н. Насонов, Н.Г. Хлопин заняли принципиальную позицию в отношении псевдонаучных работ О.Б. Лепешинской, которая в 1936 г. вместе со своей лабораторией перешла в ВИЭМ из Биологического института им. К.А. Тимирязева. На страницах "Архива биологических наук" они выступили с критической статьей "Об одном направлении в цитологии". Ответная статья Лепешинской появилась в журнале с редакционным примечанием о том, что ввиду исключительной важности проблемы живого вещества и эволюции структуры Академия наук и ВИЭМ организуют теоретическую конференцию с обсуждением указанных вопросов "на основе теории Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина".

В октябре 1940 г. в Ленинградском филиале ВИЭМа состоялась конференция по вопросам цитологии и гистологии. Сторонники идеи эволюционной гистологии на этом этапе одержали победу.

Сегодня высказывается мнение,³⁴ что к выступлениям Лепешинской ученые относились как к комическому вздору и ее попытки издать книгу несколько раз отклонялись. Вероятно, это соответствует истине лишь отчасти, ибо что бы в действительности ни думали специалисты об "открытиях" Лепешинской, но критиковать ее открыто осмеливались немногие. Во всяком случае, Совет ВИЭМа отметил в 1939 г. представленную Лепешинской рукопись монографии "Живое вещество и клетка" премией. Так что присужденная ей спустя несколько лет за эту работу Сталинская премия была уже второй наградой, хотя, разумеется, гораздо более высокого ранга. Эта награда знаменовала собой полную победу О.Б. Лепешинской "в борьбе против идеалистических течений в морфологии". А.А. Заварзина к этому времени уже не было в живых, а Д.Н. Насонов, возглавлявший ИЭМ, вынужден был оставить этот пост.³⁵

Борьба с инакомыслием осуществлялась последовательно и планомерно. Под жесткий государственный контроль была поставлена издательская деятельность, а "идеологически вредная" литература изымалась из обращения. Инвентарные книги фондов институтской библиотеки содержат сведения о различных этапах проходивших "чисток". Названия некоторых книг вымараны тушью настолько тщательно, что прочесть их невозможно. Вероятно, эти работы были сочтены особо опасными, так как против них обычно стоит пометка "сдано".

Судя по пометкам "списано после ревизии" с указанием даты, чистки библиотеки проходили в 1930, 1935, 1937, 1938 и 1939 гг. Изымались литература по философским вопросам естествознания, по генетике, инфекционным болезням и микробиологии, книги на немецком языке и, независимо от тематики работы, книги ученых, объявленных врагами народа. В числе изятых в 1937 г. изданий был и "Список абонентов ленинградских телефонных станций". Эта акция состоялась, вероятно, потому, что многие из абонентов к этому времени либо погибли, либо находились в заключении.

Итак, сделаны первые шаги в раскрытии истины, которая десятилетиями скрывалась, была "белыми пятнами" (вернее сказать — "черными") в истории отечественной науки, в истории ИЭМа. К нам возвращаются после длительного отсутствия, обусловленного трагическими событиями в жизни общества, наши коллеги, их труды, их незавершенные эксперименты и нереализованные замыслы. Они должны занять свое место в летописи знаний, получить вторую жизнь в современных поисках и свершениях.

Перелистывая трагические страницы истории ИЭМа, мы узнали имена не только тех, кто волею судьбы оказался "классово-чуждым элементом", но и их "коллег", своей активной деятельностью всячески способствовавших поискам "врагов" социализма. Среди них встречаются кадры "новой формации", пришедшие в институт в 30-е годы в результате "массового похода революционной молодежи на науку".³⁶ Мы уже отмечали, что новые задачи предполагалось решать новыми силами... Но нужно ли сегодня говорить об этих силах? Нужно ли на этих страницах анализировать "хорошие" анкеты, подчас загадочные биографические данные, еще более загадочные результаты научной работы и обязательно обширные материалы, характеризующие общественную деятельность? Вероятно, нужно.

Но большинства участников тех событий, о которых шла речь выше, уже нет в живых. Одних уничтожила система, других она взрастила и воспитала, заставив каждого нести свой крест... О трагедии этих людей, их истории, отражающей историю системы, будет написана другая статья и в другой книге.

Примечания

- ¹ Первый в России исследовательский центр в области биологии и медицины. Л., 1990.
- ² Организация советской науки в 1926-1932 гг.: Сб. документов. Л., 1974. С.48-49.
- ³ Цит. по: *Самойлов В., Виноградов Ю.* Иван Павлов и Николай Бухарин: от конфликта к дружбе // Звезда. 1989. № 10. С. 111.
- ⁴ Цит. по: *Берберова Н.* Железная женщина // Дружба народов. 1989. № 12. С. 108.
- ⁵ *Грекова Т.И.* Исидор Александрович Обергард (1888-1938) (К 100-летию со дня рождения) // Актуальные вопросы биологии и медицины. Л., 1990. Т. 2. С. 160-166.
- ⁶ Из справки УКГБ по Ленинградской области от 13 сентября 1990 г.
- ⁷ ЦГАОР, ф. 482, оп. 41, личное дело И.А. Обергарда, л. 38.
- ⁸ *Быковцева Л.* Горький в Москве. М., 1972. С. 80-85.
- ⁹ Цит. по: Горький и наука. М., 1964. С. 133-134.
- ¹⁰ Отчет по научно-исследовательской деятельности Всесоюзного института экспериментальной медицины за 1933-1937 гг. М., 1939. С. 9.
- ¹¹ *Федоров Л.Н.* Всесоюзный институт экспериментальной медицины при Совнаркоме СССР // Арх. биол. наук. 1933. Т. 33, вып. 1-2. С. 3.
- ¹² Цит. по: *Самойлов В., Виноградов Ю.* Указ. соч. С. 109, 113.
- ¹³ См., например: *Александров Д.А., Кременцов В.Н.* Опыт путешественника по неизвестной Земле: Предварительный очерк социальной истории советской науки (1917-1950 гг.) // Вопр. истории естествознания и техники. 1989. № 4. С. 67-79.
- ¹⁴ *Ветрова И.В., Шилинис Ю.Л.* Социальная гигиена в СССР. М., 1976. С. 170-171.
- ¹⁵ Из справки УКГБ по Ленинградской области от 13 сентября 1990 г.
- ¹⁶ Письмо И.А. Ремезова Л.Н. Федорову // Арх. ИЭМа АМН СССР. Личное дело И.А. Ремезова.
- ¹⁷ Письмо В.С. Гулевича Л.Н. Федорову // Там же.
- ¹⁸ Из справки УКГБ по Ленинградской области от 13 сентября 1990 г.
- ¹⁹ См.: *Грекова Т.И.* Тибетская медицина в России: Страницы истории // Наука и религия. 1988. № 8. С. 10-15.
- ²⁰ Более подробно об этом см.: *Грекова Т.И.* Трудный путь к признанию // Байкал. 1991. № 2. С. 108-122; № 3. С. 98-109.
- ²¹ Цит. по: *Самойлов В., Виноградов Ю.* Указ. соч. С. 116.
- ²² *Грекова Т.И., Ланге К.А.* На пути к документальной истории Института экспериментальной медицины // Актуальные вопросы биологии и медицины. Л., 1990. Т. 2. С. 149-160.
- ²³ См.: *Гайсинович А.Е.* Зарождение и развитие генетики. М., 1988.
- ²⁴ См.: *Аксенов Г.П.* Понятие живого вещества: От Бюффона до Вернадского // Вопр. истории естествознания и техники. 1988. № 1. С. 57-66.
- ²⁵ ЦГАНТД Ленинграда, ф. 182, оп. 1, д. 586, л. 1-4.
- ²⁶ Там же, л. 5
- ²⁷ *Георгиевский А.С., Шалаев Н.Ф.* Репрессии против руководителей медицинской службы Красной Армии в 30-е годы // Воен.-мед. журн. 1992. № 7. С. 77.
- ²⁸ Ленингр. партарх., ф. 6, оп. 1, св. 480, д. 2650, л. 1-8.
- ²⁹ Там же, ф. 6, оп. 1, св. 481, д. 2653, л. 26.
- ³⁰ ЦГАОР, ф. 6742, оп. 1, д. 73.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же, д. 94.
- ³³ Там же, д. 26.
- ³⁴ *Александров В.* Трудные годы советской биологии // Знание-сила. 1987. № 10. С. 72-80.
- ³⁵ Мы не останавливаемся на перипетиях этой борьбы, ибо данный вопрос уже достаточно подробно освещен в литературе.
- ³⁶ *Сталин И.В.* Собрание сочинений. Т. 11. С. 77.